

1.2000.

24.1.2000

Андрей КРАВЧУК, Юрий ФЕТИНГ

Рождественская мистерия

Экран и сцена. — 2000. — янв. (№ 1). — с. 8-9

Фрагменты сценария

«Рождественской мистерией» — фильмом по собственному сценарию — дебютируют режиссеры Юрий Фетинг и Андрей Кравчук. Фетинг — ученик Алексея Германа, Кравчук — Семена Арановича.

Соответственно — ждем-с.

Семибалка. Конец шестидесятых

Острое лезвие прорезало в дереве завитки волос.

Над лицом деревянного не то мужика, не то апостола трудился ДЕД МАТВЕЙ. В бывшей часовне, приспособленной под столярную мастерскую, стояли вдоль стен части деревянного алтаря, скульптуры из дерева. На стене висела недоделанная резная карта Советского Союза. У дверей пылилась резная вывеска "Поселок Семибалка".

В углу у печки шестилетний МАКСИМ самозабвенно вырезал фигуру совы.

Подслеповатый Дед разогнулся и пошарил вокруг себя рукой в поисках нужного инструмента. Не нашел его и огляделся по сторонам. Максим продолжал трудиться над крылом совы.

Дед чертыхнулся и подошел к Максиму, чтобы забрать инструмент.

В дверь постучали. Максим встрепенулся, бросил работу и побежал к двери.

На заснеженном пороге часовни стояла шестилетняя МАША. Она была в маскарадном костюме снежинки и в теплом платке поверх. Максим схватил тулуп и вместе со "снежинкой" выскочил из мастерской.

Дед с инструментом в руках разглядывал вырезанную маленьким Максимом фигурку совы. Удивленно и радостно оглаживал резьбу рукой.

В ночном небе над засыпанной снегом Семибалкой ярко горели звезды. Максим и Маша скатились с горы. Максим поскользнулся, упал и выкатился на замерзший пруд. Разгреб руками снег, и вдруг увидел под прозрачным стеклом льда вмерзшие кленовые листья и маленькую серебристо-красную рыбку. Рядом с ним на лед бухнулась Маша.

Максим и Маша смотрели через заморозженное стекло. В пустом актовом зале поселковой школы была видна елка. На ней среди других игрушек показывалась серебристо-красная рыбка.

Тягучий лунный свет падал из окна на ступеньки узкой винтовой лестницы. Максим и Маша осторожно спустились вниз и повернули в темный коридор.

Максим толкнул дверь, и та со скрипом скрылась. Они оказались за кулисами сцены.

"Снежинка" Маша испугалась, но Максим потянул ее за собой. Они прошли мимо большого сундука, над которым висели на нитях деревянные пастухи и Дева Мария с Иосифом. Чуть в стороне покачивалась кукла деревянного ангела. Маша знаками показала Максиму, что надо пробираться в зал, но Максим как замороженный рассматривал куклы. И вдруг ему показалось, что деревянный ангел посмотрел на него.

Спектакль продолжался. Сквозь щели ширм, которые отгораживали сцену от зала, Маша видела украшенную елку и детей в маскарадных костюмах. Школьный завхоз БАРАНКУЛОВ что-то шептал УЧИТЕЛЬНИЦЕ.

Максим подошел к ангелу ближе, и вдруг ангел пошевелился и опустился на пол. Максим осторожно взял куклу в руки. Ангел посмотрел вверх, куда уходили его нити. Максим задрал голову и увидел над собой старого, похожего на колдуна, КУКОЛЬНИКА. Он управлял движениями ангела.

Максим прижал к себе ангела и шагнул вперед. Он обернулся и вдруг увидел зрительный зал. Учительница и Баранкулов встали с места и сделали знаки Мак-

симу, чтобы он не мешал и ушел со сцены. Но Кукольник жестом попросил Учительницу и Баранкулова успокоиться.

Кукольник склонился к Максиму и вложил в его руку ваги. Теперь куклой мог управлять Максим. Мальчик осторожно повернул руку, и ангел пришел в движение. Максим гордо посмотрел на зал и оглянулся на Кукольника. Кукольник достал ножницы и отрезал одну нитку. Ангел продолжал стоять. Кукольник отрезал остальные нити, но ангел не упал. Изумленный Максим смотрел на ваги в своих руках, на ангела.

И вдруг кукольный ангел сам повернул голову и посмотрел на ошарашенного Максима. Сделал несколько шагов. Разбежался и взлетел.

В зале ахнули. Ангел летел над зрителями. Баранкулов вжал голову в плечи и отмахнулся, как от птицы.

Ангел пролетел над залом и приземлился у ног Максима. Счастливый Максим подхватил ангела на руки и прижал к себе.

— Что ж, он твой, — усмехнулся Кукольник.

В печке весело горел огонь. Под елкой сидели наряженные снежинками и зайчиками дети. Шестилетний Максим сидел у окна и рассматривал крылья кукольного ангела. Рядом с ним сидела маленькая Маша.

Учительница с ватной бородой в костюме звездочета читала стихи про счастливую звезду и про загадывание желаний.

Дети передавали друг другу стеклянную звездочку и тихо шептали свои желания.

Максим повернул к себе ангела и ему показалось, что ангел посмотрел в окно. Через замороженное стекло был виден заснеженный школьный двор. Перед окном стоял Кукольник и смотрел на Максима.

Звездочку передали Маше. Она взглянула на Максима и что-то тихо загадала.

Максим смотрел через замороженное окно на Кукольника. Тот сел на свой большой сундук, помахал Максиму рукой и уехал вниз по снежному склону в ночь.

И тут в небе упала звезда.

ИТАЛИЯ. НАШИ ДНИ

Тридцатилетний Максим в белом хитоне и с большими крыльями за спиной стоит на фоне переливающегося задника. В его руках деревянный ангел. Максим поднимает ангела над собой.

СЕМИБАЛКА.

НАШИ ДНИ

Фотографию Максима в костюме ангела постаревшая Учительница вешает на стену. Рядом висят другие фотографии взрослого Максима: в смокинге и с деревянным ангелом в руках — то в обнимку с Маргарет Тэтчер, то с Сальвадором Дали, то с Давидом Коперфильдом... Здесь же фотографии и других учеников — среди них выделяется космонавт Леша (на нем скафандр).

В пустой школе звенит автоматический звонок. За окном крупными хлопьями падает снег. Поздний вечер.

Учительница кутается в старую цигейку и идет с большим микроскопом по пустым холодным коридорам школы. Кругом стоят наглядные учебные пособия. Учительница ставит микроскоп на пол. В углу пылится ширма кукольного самодеятельного театра.

Учительница подбрасывает в печь дрова и садится писать ответ Максиму от имени всех семибалковцев.

Звучит голос Учительницы: «Дорогой Максим! Спасибо тебе за микроскоп и новую пьесу. Судя по фотографиям, которые ты присылаешь деду, дела у тебя идут отлично. Мы от души радуемся твоим успехам и гордимся тобой. И у нас тоже все хорошо, если не сказать — отлично...»

ИТАЛИЯ. ТРЕНТО.

НАШИ ДНИ

Тридцатилетний МАКСИМ во фраке стоит на фоне резиденции Понтифика. К нему подходит Папа Римский. Максим опускается на колени и целует Папе руку.

— Пепино, попроще, не так напыщенно, — кричит ФОТОГРАФ (все говорит по-итальянски). — Максим, чуть ближе!

ПЕПИНО-«Папа Римский» недовольно оглядывается на Фотографа и немного меняет позу. Максим подползает чуть ближе.

— Отлично, снимаю. Вспышка.

В дверь заглядывает голова усатого пожилого ЖЕНИХА.

— Ты что, до Рождества нас тут мариновать будешь?! — недовольно кричит он Фотографу.

— Будешь мешать, так и до Пасхи просидишь! — отвечает Фотограф. — Я занят!

Рядом с Фотографом крутится его четырнадцатилетний сын ЛУИДЖИНО. Он поправляет задник и обращается к Максиму:

— А как в России празднуют Рождество? — спрашивает Луиджино

Максима.

— Не отвлекайся! — обрывает его Фотограф и поправляет композицию. — В России пьют водку и прыгают в мешках.

— Почему в мешках? — удивляется Луиджино.

— Потому что холодно и снега много, — отвечает Фотограф. — Приготовились!

Максим становится в смиренную позу и лже-Папа благословляет его. Вспышка.

СЕМИБАЛКА

Внизу, на заснеженном берегу озера видна мастерская деда. Мелькают сосны. Показалось здание школы. Дома.

Это полет. Полет над заснеженной Семибалкой. Внизу видны деревянные баньки на берегу и двухэтажный дом Маши на косогоре...

АВТОБАН. НАШИ ДНИ

На автобане ливень. Капли разбиваются о чемодан, который Максим держит над головой вместо зонта. Настроение у Максима отличное, и он танцует под дождем.

Подъезжает автобус. Максим лезет в салон, застывает в дверях и дергает чемодан.

Замок щелкает, и чемодан раскрывается. В кляпщие от дождя лужи падают куклы. Максим бросается их собирать.

Автобус мчится по дороге. Висят на нитях куклы. Играет музыка и кажется, что куклы синхронно пританцовывают в такт.

В салоне уютно и тепло. Пассажиры с удивлением смотрят на развешанные по автобусу куклы и их костюмы.

Уставший Максим дремлет у окна.

Вдруг в автобусе начинается плакать ребенок. Он капризничает. Мама укачивает малыша.

Максим достает из кармана яблоко. Надевает яблоко на палец и начинает показывать ребенку маленькое представление. Ребенок замолкает и начинает смеяться.

Раздаются аплодисменты. Польщенный Максим оглядывается. Пассажиры прильнули к окнам и аплодируют. Максим тоже посмотрел за окно. Там шел снег.

СЕМИБАЛКА.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

По огромному заснеженному полю бежал Максим по колено в снегу, Маша в лыжном снаряжении стояла на пригорке.

— Для кого ты пишешь, сумасшедший, для самолетов?

— Для космонавтов!

— А зачем?!

— Пусть весь мир знает!

— А что там будет?!

— Не скажу!

Сверху были видны огромные буквы "МАКСИМ + МАША = " и маленькие фигурки Маши и Максима.

ГАМБУРГ. ПОРТ.

НАШИ ДНИ

Огромный, сверкающий огнями, паром "Силия Лайн" гудит в порту. Максим с чемоданом идет по стеклянному тоннелю. Входит на паром. В стеклянном лифте спускается вниз. Перед ним открывается вид на променады. Сверкают огни. Журчат фонтаны. Люди разбредаются по барам и ресторнам.

В баре полумрак. Из работающего телевизора доносится рев трибун. Идет хоккейный матч. Сборная Финляндии — сборная России. Максим усаживается у стойки и заказывает пиво. Финны и немцы потягивают пиво и молча наблюдают за игрой. Максим придвигается к экрану. Наша сборная атакует. Максим напрягается.

— Гол!!! — вопит Максим и, расплескав пиво, подпрыгивает на месте.

— Го-о-ол! — орет рядом чей-то голос.

Угрюмые финны усталились на Максима и высокого мужчину, который подпрыгивает от радости у стойки бара.

Максим и высокий мужчина смотрят друг на друга. Финны недружелюбно смотрят на них.

Мужчина тычет в Максима пальцем.

— Максим!

Максим распыляется в улыбке.

— Дядя Леша!

Двое русских обнялись.

Паром плывет, как оторвавшийся материк во льдах, продираясь сквозь туман к далекому берегу.

По телевизору продолжается трансляция хоккейного матча.

— Давно в Семибалке не был? — спрашивает Генерал.

— Лет двенадцать. Как уехал — так и все... А вы?

— Мы же договорились.

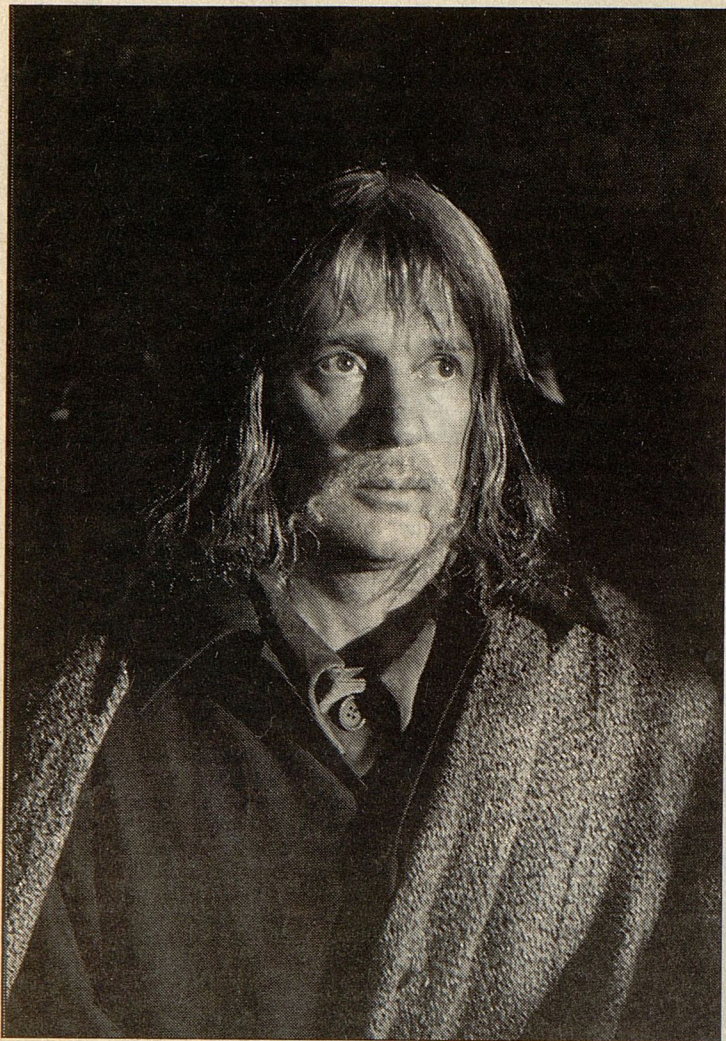
— Я так сразу не могу. Вы все-таки космонавт.

— Бери выше, — подмигивает Генерал. — Генерал! У меня под командованием почти все космические силы! Понял? Так что — я приказываю.

— Ну, тогда я вас... ТЕБЯ пивом угощу, — говорит Максим.

— Отставь! — Генерал подзывает АДЪЮТАНТА и приказывает.

— Полный набор "космонавта" с прокладочкой, маслины и в открытый космос.

— Есть в открытый космос! — отвечает Аджутант.

— Ну, а ты-то как? Кукол не бросил?

— Наоборот. Вот на фестиваль еду. — Максим достает афишу. — По всему свету приглашают! Читай: "Лучшие кукловоды мира". Главный приз — "Хрустальное Полно". Это не хуже, чем "Оскар". — Рад за тебя, — улыбается Генерал. — Тогда пиво за твой счет.

Максим и Генерал сидят за столиком. Длинноногая официантка расставляет водку, закуски.

— Повторяю вопрос, — улыбается Максим. — Давно Ты был в Семибалке?

— Очень давно, — Генерал смотрит на Максима. — Дерево помнишь? Скульптуру свою? Устроил ты тогда... Интересно, спилили его или нет?

— Ты из космоса не видел? — улыбается Максим.

— Семибалку видел. Лес вокруг. Озеро. Даже мастерскую твоего деда. — Генерал усмехается. — А дерево нет, не видел. С Машей-то у вас все сладилось, или как?

— А вот скажи... — Максим поворачивается к Генералу. — Надпись на снегу из космоса увидеть можно?

— Надпись? Максим плюс Маша равняется любовь? — смеется Генерал.

Вокруг на пароме уже начинают праздновать Рождество. Сверкают лампочки. Наливаются бокалы. Веселый толстяк по-фински орет в микрофон, что продолжается конкурс "мисс паром", и вытаскивает из зала толстенную финку и худосочного немца. Они начинают извлекать из большого сверкающего барабана счастливые номера рождественской лотереи. Играет по-макскарадному одетый оркестр.

Максим и Генерал уже изрядно выпили.

— Значит так, — пьяно говорит Генерал. — Едем в Семибалку! Ты с представлением. У тебя, как я понимаю, шоу мирового уровня. Ангел еще летает?

— Конечно! — врет Максим.

— Я елку везу. Настоящую! Не как у вас в школе была. А так, чтобы голову задирать. В общем, елку моего детства! — распоряжается Генерал. — И еще что-нибудь... Так, чтобы с треском!

СЕМИБАЛКА.

НАШИ ДНИ

Над Семибалкой зимняя ночь. Дома по крышу завалены снегом. — Го — оол!!! — доносится из окон.

Из школы вслед за ПОЧТАЛОНШЕЙ выскакивает перепуганная Учительница. Кутаясь в платок, она бежит к почте. Вбегает и хватается телефонную трубку.

ПАРОМ. НАШИ ДНИ

В баре на пароме прямо на столике стоит чемоданчик и портативная спутниковая антенна. В трубку кричит Генерал: — ...прямо на Новый год! Да! Ждите! Тут еще Максим... — Генерал передает трубку разгоряченному водкой Максиму.

— Тамара Ильинична! Я вас очень люблю! Что? Скучаю! Очень! О Маше Соловцевой ничего не слышали? Что? Нет! Я свой спектакль привезу. Куклы при мне. Да! Детей соберите...

СЕМИБАЛКА.

НАШИ ДНИ

В промерзшем классе школы на столе лежит большой по-иностранным красивый посылочный ящик. Баранкулов вынимает из него "гуманитарную помощь", подсчитывает количество консервов и спагетти и записывает все в тетрадку. Двое бородатых близнецов раскладывают продукты по кучкам.

У стола сидит полуслепой Дед Матвей в очках с толстенными стеклами. Молодую вслух читает ему письмо Максима.

— ... а леса в Италии совсем не такие, как в Семибалке. Я часто скучаю по нашему бору...

— ... Макаронов семь пачек, — считает Баранкулов. — Николаенковой отложим две. Ей в прошлый раз не досталось. Соус красный. Три сорта. Баранкулов попробовал и от горечи плюнул.

— Этот Сычову. Пусть подавится.

— "... напиши, дед, как тебе инструмент. Я выбрал самый лучший, — продолжает читать Молодую. — Сейчас в Европе вручную по дереву не режут. Напиши, нужны ли дополнительные насадки?"

— Дерьмо электрическое, — заявляет Дед. — Дед топором резал. Поди, повтори!

— И не собираюсь, — встречает в разговор Баранкулов. — И как

вы вслепую режете, не понимаю.

— В руках больше памяти, чем в глазах. — Дед идет к выходу, но в дверях вдруг останавливается. — Как он хоть выглядит?

— Максим?

— Ну не я же.

— Солидный такой, в костюме черном... — Молодую рассматривает фотографию через увеличительное стекло. — Стоит в обнимку... Молодую читает по слогам. — С Биллом Гейтсом...

— Кто такой?

Молодую поднимает удивленные глаза на Деда.

— Тут написано: "Самый богатый человек в мире".

Баранкулов с уважением глядит на фотографию.

— Жаль, не из наших мест. Этот бы эшелонами тушенку слал. Дверь распахивается и в класс входит Учительница.

— Максим едет, — произносит она. — И Алексей!

— Что, с проверкой? — тихо спрашивает Баранкулов.

Учительница грозно повернулась к Баранкулову.

— На Новый год у нас в школе будет кукольный спектакль для детей!

— Для каких детей? — опешил Баранкулов.

— Кто у нас глава администрации?

— Вот вы как повернуть хотите? — взвился Баранкулов. — Это я что ли Максиму про детей все это время врал?! Микрофоны эти дурацкие заказывал?!

— Как вам не стыдно! — вспыхивает Учительница. — Если мы не будем верить... Наша школа возродится! И тогда все эти наглядные пособия...

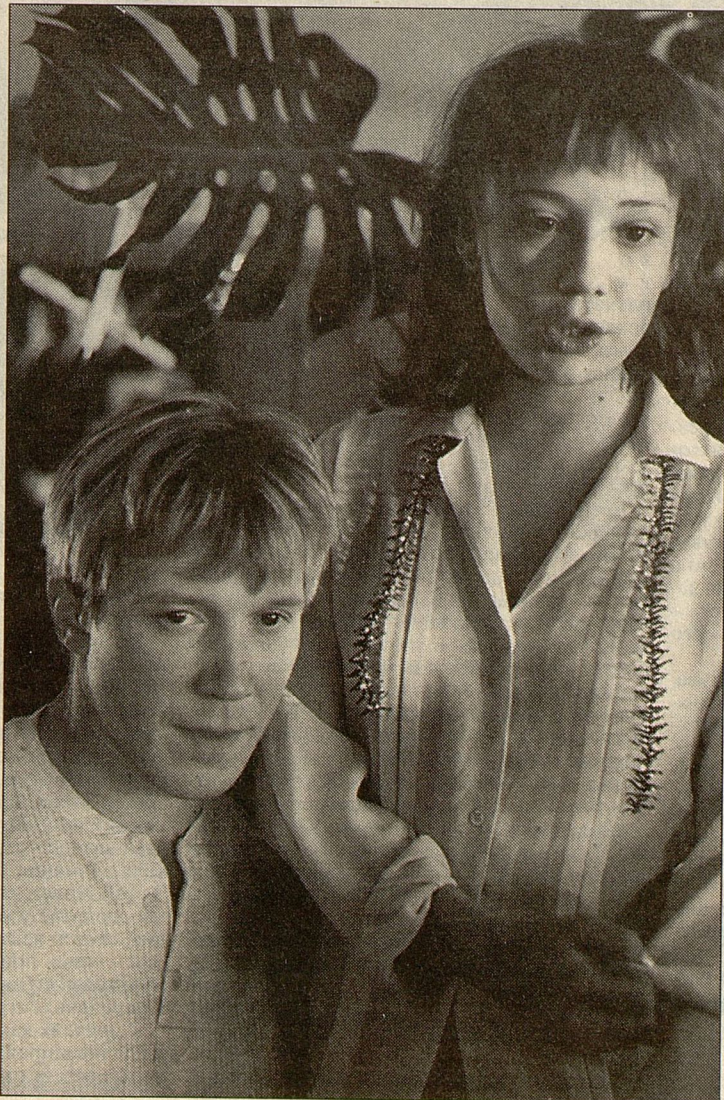
— Сперва комбинат запустить надо! Тогда, может, и семейные в Семибалку вернутся. А без работы — какие дети! Какая елка!

— Так чего делать будем? — хором спрашивают Близнецы.

ПАРОМ. НАШИ ДНИ

А на пароме выбирали "мисс паром". Пьяные пассажиры хлопали и веселились. С "мисс паром" танцевал Генерал.

Максим победил в конкурсе, кто быстрее выпьет десять рюмок водки. Пока его соперник пил по стопке, Максим схватил ведро со льдом, высыпал лед на пол, опрокинул туда все десять рюмок и одним глотком опустошил.

стоил ведро под овации зрителей. Дальше все было как во сне. Ему вручили приз — шубу Санта-Клауса. «Мисс паром» пыталась устроить стриптиз на сцене, а Максим вокруг ходил колесом... Затем он катался на горках аквапарка.

... Опять чокался с веселым Генералом...

... Прыгал в хороводе с шубой на плечах...

... Длинный грузовой ангар. Люди, лица...

... Близко смеющееся лицо генерала Лешки. Хлопок шампанского, пена, которая все залила...

... Впереди мчит машина с мигалкой...

... Снег. И темнота за окном...

... Смеющееся лицо Генерала...

... Мигалки...

... Бенгальские огни в руках. Шампанское...

... Опять какие-то мигалки. Огни фар. Разноцветные лампочки...

... Вдруг из выжженной темноты проступило лицо солдата с автоматом и вновь растворилось в общем, хаосе огней...

... Максим смеялся и что-то кричал...

... Опять огни фар. Снег. Темнота...

ПЕТЕРБУРГ.

НАШИ ДНИ

Звонит телефон. Максим, не раскрывая глаз, шарит рукой в поисках трубки. Утро. Просторный гостиничный номер люкс. Максим лежит на кровати в короткой шубе Санта-Клауса и в трусах.

В поисках телефона Максим рукой натывается на запотевшую бутылку пива. Максим открывает глаза, садится, берет бутылку, тупо смотрит на этикетку и пьяным языком читает. — "Лапин Культа".

Максим уставился в зеркало: на его лице и на шубе блестящие конфетти, глаза со вчерашнего пьяные. Нос окрашен, как у клоуна. На зеркале приклеена большая записка фломастером: "МАКСИМ! Я ПОЕХАЛ! СЛУЖБА. ВСТРЕТИМСЯ В СЕМИБАЛКЕ! ЛЕША-КОСМОНАВТ". На столике валяется программка фестиваля. Максим берет ее и читает. Смотрит на свои часы и вдруг встряхивает головой.

В ванной Максим кричит под холодными струями воды. Трет лицо и глаза, чтобы прийти в себя.

Перед зеркалом трясущимися руками застегивает непослушные пуговицы на рубашке.

Максим натягивает брюки и одновременно читает листок с текстом по-фински. Некоторые слова повторяет и пытается произнести наизусть.

— "Я счастлив, что прибыл на ваш фестиваль из далекой Италии. Финляндия всегда манила меня своей природой и мужественными сдержанными людьми, которые сохранили вкус к настоящему искусству".

Максим надевает пиджак. Протирает шею и щеки одеколоном и пытается светски улыбнуться.

Максим выходит из номера в коридор. Видит идущую ему навстречу горничную. Улыбается.

— Пайва... Пardon... Айм сорри... — заглядывает в листок. — "Китос э-ч"

Горничная с удивлением на него смотрит. Максим продолжает поиск языка.

— Гуд! Извините, ду ю спик инглиш?

— Ез, оф кос! — отвечает горничная.

— Экселенс! — радуется Максим и показывает горничной программку фестиваля "Хрустальное полно". — Айм сорри! Хелп ми плиз! Ай нид зе сентрел Хельсинки сетте...

— Экскьюз ми! Ай доит ноу! — отвечает удивленная горничная. Максим кивает.

— Но проблем! — говорит он и идет к выходу.

Максим выходит из гостиницы и садится в вишневый мерседес-такси. Улыбается ТАКСИСТУ и говорит по-английски.

— Ту зе сентрел оф Хельсинки, плиз.

— Ван саузенд долларз, — невозмутимо отвечает Таксист.

— Вот? — переспрашивает Максим.

— Ван саузенд бакс, — повторяет Таксист.

— Совсем охренели! — качает головой Максим и вылезает из машины.

— Найди дешевле! — кидает ему вслед Таксист.

Максим слышит русские слова и с изумлением смотрит на таксиста.

Максим стоит в гостинице перед ресепшен.

— ... конечно, Санкт-Петербург. — Девушка за стеклом приветливо улыбается. — Завтракать будете в номере?

— А я как сюда... Да-а!!! В смысле — нет! Завтракать... не сейчас...

— Хотите сразу рассчитаться?

— В общем, если можно...

— Пожалуйста! — девушка протягивает Максиму счет. Максим тупо уставился на пятизначные цифры.

— Это я один так... нагулял?

— Генерал просил вас устроить в лучший номер. Максим порылся в кармане.

— Лиры принимаете?

— Извините, только в рублях. Максим поднял палец вверх.

— Попозже!

В номере Максим распахивает окно и вдыхает морозный воздух. Вылезает на карниз.

Выходит на крышу и закуливает. Перед ним крыши заснеженного зимнего Петербурга.

● Александр Абдулов, Алексей Кравченко, Чулпан Хаматова в фильме «Рождественская мистерия»